

Пропавшая в прироне

Автор Теплоухов В.А.

Василий Анатольевич Теплоухов

Пропавшая в притоне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70306558

SelfPub; 2024

Аннотация

Обыкновенная командировка на южный курорт перед началом сезона. Обыкновенное интервью. ...И непростая история о череде превратностей судьбы как ответ на несложный вопрос. Рассказ молодой девушки о своих жизненных перипетиях.

Василий Теплоухов

Пропавшая в притоне

Конец мая. Жара. Пицунда. Я иду по улице Гицба к пляжу.

Недавно в России произошло два знаменательных события: был запущен волонтерский проект, в рамках которого участники будут своими силами наводить порядок на курортах и улучшать их, по мере собственных возможностей, за что им будут вручать сертификаты, а особо отличившимся ещё и некие подарки; другое событие – ужесточение ряда административных наказаний. Теперь за нарушение большинства статей КоАПа присуждают краткосрочные исправительные работы и посылают туда, где действительно нужны рабочие руки. Объединяет эти два события то, что, по соглашению ряда правительств, и волонтеры и нарушители могут работать в некоторых сопредельных странах.

Моё издательство поручило взять интервью либо у волонтера, либо у нарушителя – кого получится найти – про работу в одной из этих стран. Мне лично больше хочется встретить участников проекта.

Вчера, в пятницу на Пицундском пляже с широким размахом прошёл молодёжный фестиваль. Сегодня, 28 мая, пляж закрыт – проводят уборку, к которой администрация подключила «каких-то добровольцев». Надеюсь, среди них есть

те, кому я смогу задать несколько вопросов.

На входе я показал своё удостоверение, и через минуту мне в сандалии стали попадать песок и мелкие камни. Но это меня мало волновало – почти год не был на море, и лёгкий ветерок, и морской воздух, и шум волн, и даже жаркая погода радовали душу.

Я осмотрелся. Справа девушки в униформе убирали мусор: пластиковые бутылки, осколки стекла, конфетти от хлопушек, коробки от фонтанов и салютов, поодаль две женщины собирали ограждения, а четверо мужчин, вероятно сотрудники пляжа, разбирали небольшую сцену.

«Волонтёры!» – подумал я радостно и подошёл к девушке с длинными рыжими вьющимися волосами. Представился, спросил, можно ли у неё взять интервью.

– Да, – рассеянно ответила она.

– Отлично. Тогда начнём, – произнёс я. – Ваше имя, фамилия?

– Катя... Екатерина Заверчина.

– Ага... Екатерина, сколько Вам лет?

– Девятнадцать.

– Хорошо... Что привело Вас в Пицунду как волонтёра?

Недослушав вопроса, Екатерина потупила глаза и долго сидела неподвижно. Потом она подняла голову. На её щеках блестели маленькие слезинки.

– Я не волонтёр...

– Не волонтёр, – тихо, без злобы повторила она. – Даже

не думала, что сюда попаду.

– Я родом из Омска, – после небольшой паузы продолжила Екатерина. – В позапрошлом году после объявления о зачислении приехала в Москву учиться. Учиться на дизайнера в университете.

Снимала небольшую квартиру, всё шло гладко.

Одним поздним вечером я возвращалась домой, подходила к подъезду, и вдруг кто-то крепко схватил меня и что-то прижал к носу...

Очнулась я в каком-то большом холодном и тёмном подвале. Огляделась. Нельзя было понять сейчас день или ночь – только светила тускло, изредка помаргивая, где-то сбоку лампочка. Я была одна. На мне было только нижнее бельё. Ни телефона, ни документов.

Как долго была там – не знаю, может полчаса, может часа три. Вдруг откуда-то появился плечистый мужчина. Лица его не было видно, но я всем нутром чувствовала, как он холодным взором осматривал меня.

Потом появился ещё один.

– Она? – спросил первый.

– Да.

– Веди.

– Встань, рыжая! – крикнул второй. – Встань и подойди!..

Не люблю с бабами возиться.

Я повиновалась.

Как только я к ним приблизилась, меня резко развернули к стене, так, что я не успела разглядеть черты лица, и потащили куда-то наверх. Наверху был длинный плохо освещённый грязный коридор с множеством дверей. Привели к одной из дверей, открыли её, втокнули в небольшую каморку. «Оденься!» – крикнул второй. Дверь захлопнулась и закрылась на замок.

Екатерина вздохнула...

– Дверь закрылась на замок, – продолжала она. – В небольшой комнате было тесно и душно. Помимо двух стульев и зеркала, там стояла большая кровать. У единственного окна не было ручки. Было видно, что его давно не мыли. Я подошла к нему: была видна только оживлённая автомагистраль и железная дорога. Всплакнула. Потом надела одежду, что лежала на кровати. Мимходом заметила, что постельное бельё плохо постирано и неглажено. Посмотрела на себя в зеркало – вновь расплакалась...

Щёлкнул замок. «Оделась?» – спросил незнакомый голос. Я обернулась – на пороге стоял худой, высокий, под два метра, мужчина с небольшой бородкой. И кепка, и толстовка, и спортивные штаны – всё было чёрного цвета. Из сощуренных глаз зловеще блестели карие глаза.

– Сейчас придут гости, – сухо сказал он и скрылся.

Через минуту послышался шум из дальнего конца коридора: ругань, восклицания, хлопки дверьми, затем стоны. Как дикий зверь, он быстро и неумолимо приближался к

комнате. Вскоре пришёл один «гость», его сменил другой, затем третий...

В какой-то момент стих шум. С другого конца коридора послышались гулкие шаги. Кто-то стучал в каждую дверь. Раз стук, два стук, три... скрип давно несмазанной петли... чья-то быстрая, почти неслышная ходьба... и снова гулкие шаги...

Когда постучали ко мне, я открыла дверь. В коридоре стоял немолодой, грузный казах с бритым лицом. Новая кожаная куртка, чистая белая футболка, гладко уложенные волосы – всё это разом бросилось в глаза. Он равнодушно смотрел на меня исподлобья. Мне стало не по себе.

– Последняя? – сказал он с акцентом. – Обед, – и указал пальцем куда-то вперёд.

Я обернулась. В конце коридора черноволосая девушка, наблюдавшая всё это время за мной, поманила к себе и скрылась за углом.

Я пошла за ней, и очутилась в низкой комнате без окон. Там девушки, все растрёпанные, сидели за столами, тихо переговаривались и что-то ели из небольших мисок. Я села за ближайший стол, и чья-то женская рука поставила предо мной тарелку, дала ложку и легонько потрепала за плечо.

– Ешь, ешь, коли дали, – сказала блондинка, что сидела напротив.

Я потихоньку начала есть.

– Каша? Каша. Бери побольше, смелей, – лепетала свет-

ловолосая девушка.

В комнату зашёл молодой казах, затем кареглазый мужчина, потом ещё несколько людей. Сразу стихли все разговоры. Вошедшие не обращали внимания на сидевших за столами. Через некоторое время в помещение влетел тёмно-русый молодой человек.

– Все? – спросил казах.

– Все, – ответил кареглазый.

Ни говоря ни слова больше, подозрительная компания прошла насквозь комнату и скрылась в дальнем углу за массивной стальной дверью. Разговоры возобновились.

– Хозяин приехал, – промолвила блондинка.

Она взяла меня за руку и с сожалением посмотрела в глаза. Рядом сидевшая девушка приобняла меня.

– Крепись, – сказала она...

Да, я попала в притон и не по своей воле. Все остальные жертвы были так же, как я, подкараулены и похищены примерно в один день. Никто не знал, как отсюда бежать.

Хозяин сделал так, что вход был с одной стороны, который охраняли его подельники. Выпрыгнуть из окна нельзя было – четвёртый этаж, поблизости нет деревьев. Остальные этажи были заняты другими мафиозными структурами.

Каждый день приходили «клиенты» или «гости», как их называли тёмно-русый Шина и кареглазый Шприц, правая рука хозяина, и стучались во все двери. Раз в три недели удавалось избежать потока – одну из нас отводили на кухню на

весь день, где заставляли готовить первый и второй «обед». Продукты для нас были самыми дешёвыми, а у заведующих борделем всегда была другая еда. Количество порций зависело от прибыли, которую приносил прошлый день, и если кому-то из подельников, казалось, что кто-то из нас «недорабатывает», то «лентяйку» лишали еды. Мы старались держаться друг за друга, носили друг другу тайком еду – что получалось спрятать от бдительного надзора. Если кого-то из нас ловили за этим делом – били.

Так тянулись жутко одинаковые ужасные дни. Хозяин приезжал ещё раза два, где-то в начале лета, и всегда на «обед». Тогда нас выгоняли во двор, целиком переделанный под парковку, на показ ему. Всё теми же пустыми, равнодушными глазами этот пожилой мужчина долго смотрел на неровный ряд похищенных по его приказу девушек, которые уже и не надеялись выбраться отсюда, а потом садился в машину и уезжал прочь.

...Где-то в середине весны ночью меня разбудил крик «Накрыли!» («клиент» ушёл минут десять назад, и я от усталости задремала). Сразу после крика прозвучал выстрел, что-то тяжёлое упало и треснуло, где-то зазвенело стекло, и вскоре в комнату вбежал человек в форме ОМОНа, схватил меня, вытащил во двор. Там было много народу и множество машин. Царил полнейший хаос. Омоновец быстро привёл к бело-синей «Газели» и втолкнул в неё. Там были мои сёстры по несчастью. Через минут семь «Газель» была битком за-

полнена жертвами хозяина публичного дома. Водитель завёл мотор, и нас повезли... Наконец-то машина остановилась. Открылась дверь.

– Все на выход! – громко зазвучал чей-то суровый голос. Мы спешно покинули фургон.

– За мной, – приказал неподалёку стоявший мужчина в форме.

Мы пошли за ним. По пути я огляделась – нас привезли на вокзал. У платформы уже стоял состав. Полицейский остановился у одного из вагонов.

– Стойте тут, – обратился он к нам.

К нему подошёл вагонновожатый.

– Весь вагон?

– Весь.

– Ну, тогда не тяни кота за хвост – делай согласно инструкции.

– Хорошо... – промолвил наш сопровождающий.

– Гражданки! Поскольку вы были замечены в занятии проституцией, что является нарушением закона, то, согласно кодексу об административных правонарушениях, вы направляетесь на трудовые работы. Поезд доставит вас в надлежащее место, – отчеканил он.

Мы сели в вагон. Через четверть часа поезд тронулся.

Он шёл без остановок больше суток.

– Выходим! – прозвучал голос вагонновожатого.

– Гагра... – произнесла Таня, та самая блондинка.

– Что? – переспросила я.

– Гагра. Вон над колонной написано.

На платформе нас уже ждали мужчина и женщина, в форменной одежде. Они подошли к нам, представились.

– Ну что ж... – начал мужчина. – Вас сюда направили потрудиться. Так?

– Так... – тихо произнёс кто-то из нас.

– Отлично. Сейчас мы вас отведём на базу, где приведёте себя в порядок, – продолжила женщина. – Потом главный бригадир всё вам расскажет, разобьёт на бригады... и вы начнёте работать. Тут очень нужны рабочие руки.

– База, база... – про себя повторила бедная Катя. – На ней было только самое необходимое, но в тот день она показалась мне раем.

Нам дали два часа личного времени. Никто не стучался, не врвался, всё было тихо. Потом мы, уже в униформе, всей толпой встретили ту женщину, что встретила на платформе. Она нас отвела в администрацию, двухэтажное бетонное здание, где в одном из больших и чистых кабинетов уже ждал главный бригадир, мужчина лет тридцати пяти.

Инструктаж был недолгим, наша работа заключалась в прополке заросших дорожек, уборке пляжей, коридоров и номеров гостиниц, покраске стен – всего того, что нужно было сделать до конца мая, до начала пляжного сезона. Работы действительно было много. К тому же Гагра является курортом международного значения, поэтому нужно было сде-

лать многое быстро и хорошо. Наверное, из-за этого нас так спешно и привезли сюда.

Помню, в один из дней сюда приехал следователь, и нас по одной вызывали к нему.

Когда я зашла в небольшой, но чистый залитый солнечными лучами кабинет, мне в глаза бросился календарь у стола. 27 апреля 2032 года... Господи, сколько воды утекло с тех пор, как я покинула свой родной Омск...

Под конец допроса следователь сказал, что в середине июня, когда закончатся исправительные работы, нам должны будут выдать восстановленные документы и зарплату за два месяца. Добровольно тем грязным делом никто не занимался, а эти исправительные работы занесут в трудовую книжку в виде срочного договора на два месяца. Должность – подсобный рабочий.

Надеюсь, так и произойдёт. Так хочется встретиться с семьёй!..

Зелёные глаза Кати засверкали, на лице появилась улыбка.

– Думаю, баллы по ЕГЭ ещё действительны, и получится вновь подать документы, вновь пройти конкурс, чтобы исполнилась заветная мечта – стать дизайнером...